

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.*

Ворон играл значительную роль не только в шаманских практиках, но и в народной медицине. В лечебных целях иногда допускалось убийство этой птицы. Хакасы считали, что желчь ворона – ценное лекарство, помогающее при ожогах, ранах и других болезнях. При добыче этого лекарства обязательным было произнесение магических заклинаний. Как писал Н.А. Алексеев: «Охотник, стреляющий ворона, перед спуском курка непременно должен сказать: «от мини!» (желчь моя!), иначе желчь у ворона исчезнет, и охотник напрасно потеряет заряд» (1980, с. 103).

Значительная роль, отводимая ворону в мифо-ритуальной системе хакасов, сказалась и в именовании. В героических сказаниях именами «Хара Хусхун» – ‘Чёрный Ворон’ или «Алып Хусхун» – ‘Ворон-богатырь’ нарекались могучие отважные богатыри (Хара Хусхун, 1977; Баинов, 2007; Хакасский героический эпос, 1997). Довольно распространенным оно было и в быту. Имя, безусловно, носило предохранительный характер и выступало в качестве оберега, особенно в семьях, где была высокой детская смертность. В то же время в народе верили, что в будущем в характере обладателя такого имени проявятся многие положительные черты, свойственные этой сакральной птице.

Представляет интерес, что характеристика образа ворона, наделенного многими магическими признаками, в том числе и медиаторной функцией, сохраняется и в наше время. Более того, образ этой птицы со свойственными ей признаками переносится на некоторые, неизвестные в прошлом, но обыденные в современности бытовые предметы. К их числу относится телефон. В современной хакасской загадке он представлен следующей архетипической символикой: «Если бы не было твёрдых крыльев у пришедшего из столицы чёрного ворона, то он не смог бы облететь всю землю» (Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 337). Данный фактор говорит об устойчивости основных символических характеристик образа ворона в современности, его немалой значимости для духовной культуры народа.

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в мифо-ритуальной системе хакасов образу ворона (хусхун) отводилось важнейшее место. Эта птица наделялась хтоническими признаками и недюжинными знаниями об окружающей среде. Полагали, что ворон обладает способностью определять причины и следствия многих природных и мистических явлений. В хакасской традиции он воспринимался в качестве вестей птицы, посвященной в тайны природы, бытия и человеческой судьбы. Выступал в качестве медиатора между различными сферами Вселенной, между жизнью и смертью. Играл важнейшую роль в военной культуре народа. Огромное значение отводилась ворону в шаманской практике. Типичное поведение врановых птиц во время жизнеобеспечивающей деятельности людей на протяжении многих веков не могло остаться незамеченным и передавалось из поколения в поколение в виде мифов и ритуалов. Отдельные реликты этих верований сохраняются и по сей день. Хакасские представления об этих птицах имеют сходство с мифологическими воззрениями других сибирских тюрков, что объясняется как этнокультурными контактами, так и типологическими соответствиями.

Е.А. ВАСИЛЬЕВ, И.П. ГЛЫЗИН

Россия, Томск

Томский государственный университет

ЯСУНСКАЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Современная парадигма энеолитической эпохи таёжной полосы Западной Сибири сложилась за последние 15–20 лет. В культурогенетическом аспекте её самой заметной особенностью является дробность и мозаичность культурного пространства. Не случайно наиболее адекватной, а потому и востребованной, формой осмысления и презентации энеолитических древностей стали культурные типы. В отличие от археологических культур они выделяются на очень ограниченном материале, имеют узко локальные ареалы и не до конца оформленные границы. Пока не вполне понятно, обусловлена ли эта ситуация состоянием источников и степенью их изученности или она отражает реальные процессы атомизации, в древних обществах региона.

На этом фоне своеобразной, если не исключительной, выглядит ситуация в северных (приполярных) областях Нижнего Приобья. Здесь фиксируется обширный ареал археологических памятников с большой степенью единства в домостроительстве, погребальной обрядности, камнеобработке и особенно керамическом производстве. Уже приходилось декларировать целесообразность объединения энеолитических древностей региона в рамках новой культуры, названной ясунской (Васильев Е.А., Глызин, 2008). Данная работа является своеобразной презентацией этой культуры.

Центральный ареал ясунской культуры охватывает северотаёжные леса между Уралом и Обь-Надымским водоразделом. На сегодня здесь выявлено около 20 памятников, шесть из которых подвергнуты раскопкам.

Все раскопанные поселения относятся к категории приречных и расположены на берегах крупных обских притоков: Сев. Сосьвы (Хулюм-Сунт) с Ляпиным (Ясунское), Казыма (Амня I А), Сыни (Лов-санг-хум II). Очевидно, не случайна локализация памятников в среднем течении рек, где они не так полноводны, как в низовьях. Поселки состояли из 1–2 больших жилищ, площадь которых колебалась от 65 до 225 кв. м. Дома – глубокие (около 1 м) прямоугольные полуземлянки с деревянными стенами. Каждое жилище, независимо от его размеров, обогревалось одним большим кострищем, расположенным в центральной части постройки. В двух из четырёх исследованных полуземлянках зафиксированы земляные нары. Пол, а в большинстве случаев и околожилищное пространство, засыпались слоем красной охры. Охристое покрытие внутреннего пространства – обычай довольно распространенный, но маркировка придомовой территории составляет отличительную черту северных поселений.

Известны и частично изучены два могильника (Ясунский, Лов-санг-хум). Оба расположены в непосредственной близости от жилых построек, но синхронность или разновременность погребальных и поселенческих комплексов не установлена. Для обоих могильников характерны подпрямоугольные могильные ямы, рассчитанные

на погребение взрослого человека (200x90 см, 190x80 см). Они содержали собранные в кучки остатки человеческих костей, подвергнувшихся воздействию огня. С учётом имеющихся данных наиболее вероятный способ погребения – трупосожжение на стороне с последующим размещением остатков в могильной яме. Сопровождающий инвентарь включает рубящие орудия и каменные наконечники стрел, как правило, преднамеренно испорченные. Отсутствие керамики, возможно, компенсировалось наличием берестяной посуды. Характерно применение охры, ярко-красные слои которой не только выстилали днища могильных ям, но и перекрывали погребальные сооружения. В могильнике Лов-санг-хум человеческие останки были помещены в шитый берестяной «саван», может быть древнейший в Северной Азии.

Камнеобработка ориентирована на местное галечное сырьё, ограниченное по составу минералов и не отличающееся высокими поделочными характеристиками. Довольно четко прослеживается корреляция между категориями орудий, сырьём и приёмами первичной и вторичной обработки камня (технологиями). Набор орудий практически универсален для каждого поселенческого комплекса и включает скребки, рубящие орудия, наконечники стрел и дротиков, ножи. Последние немногочисленны, представлены единственными ретушированными и шлифованными изделиями.

Среди скребков преобладают орудия на отщепях из кремнистых пород. Большая их часть может быть классифицирована как концевые: округлые лезвия, как правило, оформлены на дистальных частях заготовок с использованием краевой ретуши.

Для рубящих инструментов, составляющих на всех памятниках наиболее репрезентативные серии, характерна низкая степень стандартизации. Топоры, тёсла, стамески, долота (рис. 1/ 9–11) индивидуальны по форме, поперечному сечению, контуру лезвия. Они изготовлены из подобранных по форме галек или плиток и доработаны с использованием абразивной техники, включая пиление.

Наконечники стрел и дротиков представлены ретушированными бифасами и шлифованными изделиями. Соотношение тех и других на отдельных памятниках сильно отличается. Ретушированные образцы изготовлены из кремнистых пород, имеют преимущественно листовидную форму, линзовидное сечение пера и обработаны сплошной ретушью (рис. 1/ 7–8). Шлифованные экземпляры относятся к 2 типам: листовидным (преимущественно иволистным) с ромбическим сечением пера (рис. 1/ 4, 5) и наконечником с желобком и раздвоенным на шипы основанием (рис. 1/ 3).

Среди индивидуальных находок следует отметить дисковидный предмет с биконическим отверстием (рис. 1/ 1) и обломки стилизованной антропоморфной фигурки из обожжённой глины (рис. 1/ 2).

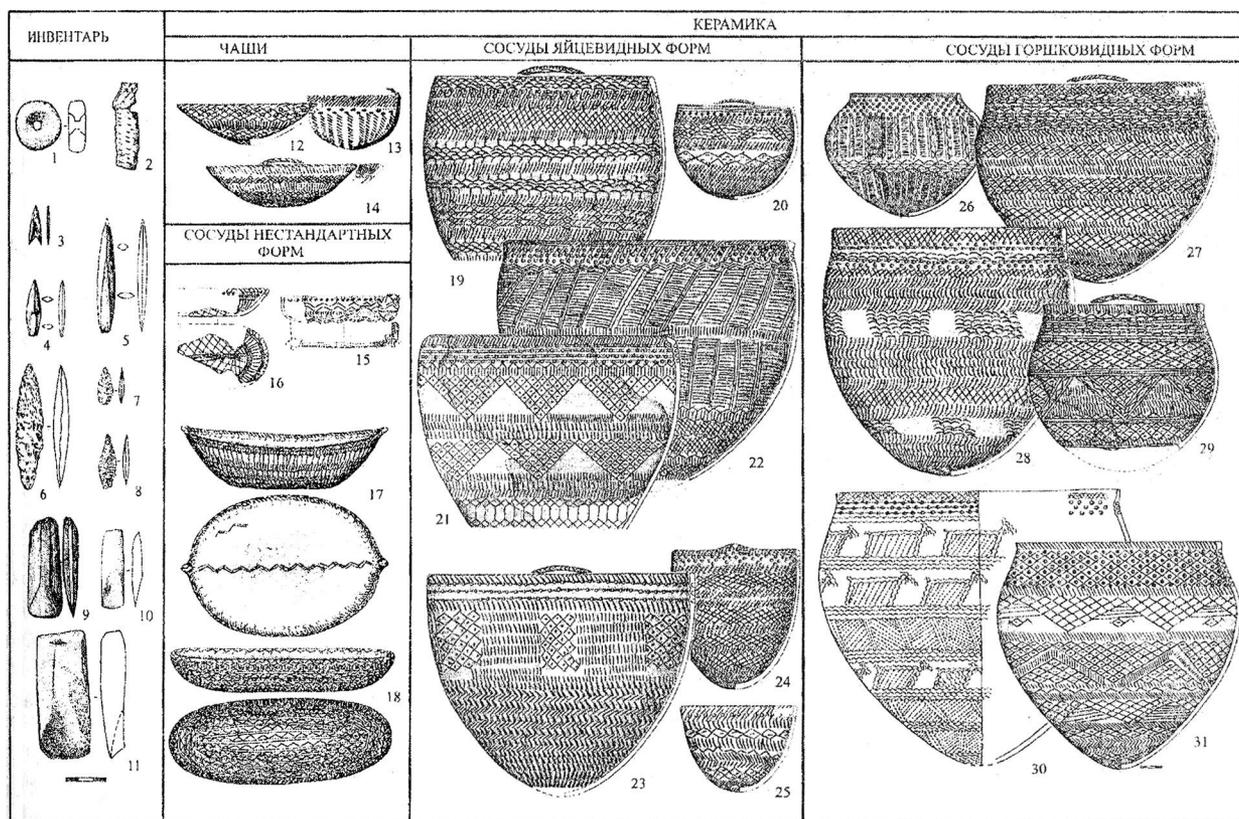
Визитной карточкой ясунской культуры является керамика, своеобразие которой проявляется как в форме сосудов, так и в их орнаментации. Морфологическое разнообразие глиняной посуды не имеет аналогов среди синхронных культур Урала и Западной Сибири. Класс стандартной посуды (критерий – круглое устье) включает чаши (рис. 1/ 12–14), сосуды яйцевидных (рис. 1/ 19–25) и горшковидных (рис. 1/ 26–31) форм. Класс нестандартной керамики представлен четырехугольными (рис. 1/ 15) и ладьевидными (рис. 1/ 16–18) блюдами. Ладьевидные формы известны и за пределами ясунского ареала, однако только на ясунских памятниках они не единичны и составляют репрезентативные серии. На поселении Амня IА выделено 4 таких сосуда (16 % от общего количества гончарных изделий, на поселении Лов-санг-хум II – 80 (11 %).

Особенности декоративного стиля ясунской керамики проявляются в способах нанесения орнамента, наборе мотивов, композиционной структуре. Для нанесения узора использовались искусственные гребенчатые и фигурные (арочные, слабоизогнутые, петлевидные, копытные) штампы, а также орнаменты естественного происхождения (челюсти и кости животных, рыб).

Господствующим способом нанесения орнамента являлась техника простой печати. На её фоне несколько чужеродными и архаичными выглядят приёмы отступающей палочки (неширокой лопаточки), отступающей гребёнки (иногда двузубой), отступающе-накольчатой гребёнки. Классическая шагающая гребёнка, напротив, отмечена в единичных случаях, может быть, потому что активно эксплуатировался похожий технический приём, названный нами «полушагающей гребёнкой». Суть его заключалась в двухактной штамповке без отрыва (в момент поворота) верхнего конца орнамента от декорируемой поверхности. В результате на стенках сосуда оставался оригинальный оттиск с чётким, хорошо пропечатанным верхом и раздвоенным иногда «смазанным» низом (рис. 1/ 23).

По статистике самыми массовыми орнаментальными мотивами являются ряды отпечатков зубчатых и фигурных штампов, полушагающей гребёнки, прямые и зигзагообразные линии. Однако в орнаментальных композициях большинства сосудов эти простые по структуре мотивы играют подчинённую роль. Они выполняют функцию разделителя, тяготеют к зоне донца и являются скорее фоном, чем содержанием узора. Безусловными композиционными доминантами являются геометрические мотивы: усложнённые зигзаги, сложно структурированные треугольные фигуры, крупные шестиугольники – «соты», вытянутые в цепочку или вписанные в сетку ромбы (рис. 1/ 19–21, 24, 25, 27, 29). Ромб – основополагающая фигура геометрического стиля ясунской орнаментики. Он многочисленен, разнообразен в пропорциях и оформлении. Ромбы формируют самостоятельные мотивы и вписываются в качестве элемента в более сложные фигуры.

Особую группу составляют геометрические мотивы, образованные сгруппированными отпечатками коротких штампов. Эти оттиски структурируют орнаментальное пространство, формируя треугольные, прямоугольные и параллелограммные зоны. Образовавшиеся фигуры не имеют контура. Границы оформляются неорнаментированным пространством, вертикальными либо наклонными прямыми и зигзагообразными линиями (рис. 1/ 22, 23, 26, 28). Подобные мотивы мы предлагаем называть зонально-геометрическими, а за традиционными мотивами из оконтуренных фигур закрепить термин фигурно-геометрические.

Помимо бытовых сосудов в керамике ясунской культуры присутствует посуда с зооморфными и орнитоморфными изображениями, которая может быть квалифицирована как сакральная (рис. 1/ 30, 31).

Хронологические рамки ясунской культуры определяются возрастом входящих в неё памятников. Энеолитический комплекс Амня IА датирован последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (Стефанов, Морозов, 1992, с. 90), поселение Хуллом-сунт – серединой – второй половиной III тыс. до н.э. (Васильев Е.А., 2000б, с. 67). Радиоуглеродные даты 4620 30BP и 4480 25BP (ЛЕ-6924, ЛЕ-6925), полученные для поселения Лов-санг-хум II, также позволяют вписать ясунскую культуру в приемлемый для устоявшейся периодизации интервал: середина – вторая половина III тыс. до н.э. Однако калиброванные поправки удревняют возраст поселения на 500–700 лет, что делает актуальным удревнение энеолитического периода на Севере Западной Сибири вплоть до второй половины IV тыс. до н.э.

Выделение новой культуры актуализирует ряд вопросов разного уровня. Прежде всего, это её соотношение с уже известными типами энеолитической керамики и культурными образованиями в высоких широтах Северной Евразии по обе стороны Урала.

Северо-сосвинский тип керамики был выделен типологически из смешанного комплекса Сартынья I, когда основные памятники ясунской культуры ещё не были известны, и фактически входит в ареал её распространения. Определение их взаимосвязи требует отдельного исследования. Но уже сейчас можно сказать, что северо-сосвинская керамика либо полностью растворится в ясунской, либо получит статус локального варианта.

Уже несколько десятилетий продолжается дискуссия о статусе и генетическом соотношении йоркутинских, ортинских и пернашорских древностей. Оформление их происходило в условиях первоначального накопления источников, когда практически каждая стоянка, представленная небольшой коллекцией керамики из разрушенного культурного слоя, квалифицировалась на уровне отдельного культурного типа (Королёв Ю.Г., Хлобыстин, 1966; Пядышев, Хлобыстин, 1962; Лашук, Хлобыстин, 1986).

Открытие комплексов с представительными и хорошо документированными коллекциями позволяет по-новому осмыслить имеющиеся материалы. Судя по опубликованным данным, высокую степень близости (по форме сосудов и в орнаментации) к материалам ясунской культуры демонстрируют ортинская и пернашорская керамика. В рамках выделяемой культуры они обретают статус локальных вариантов. На этом фоне довольно резко выделяется керамика йоркутинской стоянки, для которой характерна более монотонная орнаментация сосудов, отсутствие (за исключением треугольных фестонов, заполненных птичкообразными вдавлениями) геометрических мотивов, широкое применение шагающих гладкого и гребенчатого штампов. Керамика йоркутинского типа в целом выглядит инокультурной. Этот тип керамики изучен крайне слабо, вопрос о его статусе и территориальном охвате могут решить только новые исследования.

Одна из важных проблем культурогенеза в высоких широтах Северной Азии – взаимоотношение ясунской и чужьяельской культуры Северного Приуралья. Керамика ясунской культуры обнаруживает значительное сходство с посудой среднего периода чужьяельской культуры (поселения Чужьяель I, Ошчой I, V, Нерчей II). С ясунской чужьяельскую посуду сближает высокий удельный вес гребенчатой и фигурно-штамповой керамики, изготовление яйцевидных и профилированных сосудов, чаш, оригинальное оформление венчиков, использование в

орнаментации геометрических мотивов (ромбов, ромбической сетки, различных треугольников), традиционный пояс ямок под венчиком. Еще одним объединяющим компонентом служит высокий удельный вес чешуйчатого декора в орнаментике обеих культур. В то же время для чужьяельской культуры в отличие от ясунской не характерно столь широкое использование в орнаментации шагающей и движущейся гребёнки. Не велика в Северном Приуралье и доля сосудов ладьевидных форм.

В среднем периоде развития чужьяельской культуры выделен особый тундровый вариант керамики (поселения Ружникова, Пижма II, Нерчей II, Колва-вис 25). Наряду с общим для всей культуры расцветом чешуйчатого компонента в орнаменте, здесь выделяется ряд специфических черт, не характерных для чужьяельских памятников центрального ареала (Столокос, 1988, с. 38–47). Это большое количество чашевидных и ладьевидных сосудов, широкое применение фигурно-зубчатого штампа (почти не известного на Мезени), значительная доля сосудов с «сотовым» орнаментом. В орнаментике тундрового варианта появляется такой технический приём, как «полушагающая гребёнка» (Там же, табл. 9/ 1). Фигурно-зубчатые штампы, использовавшиеся в гончарстве тундрового варианта практически идентичны ясунским. Таким образом, из всех объектов чужьяельской культуры наиболее близки ясунским памятники тундрового варианта, располагающиеся на северо-восточной периферии культуры. Хронологически средний период чужьяельской культуры занимает вторую половину III тыс. до н.э. (Там же, с. 58–60), являясь синхронным ясунской культуре.

Чужьяельская культура в целом не однородна. Ранний период культуры (последняя четверть IV – первая половина III тыс. до н.э.) характеризуется орнаментальными традициями, во многом отличными от декора посуды среднего периода. Керамика ранних чужьяельских памятников (Чойновты I, Гыркас-ель) украшалась отпечатками исключительно прямолинейного штампа. С их помощью выполнялись пояса из отступающей гребёнки, параллелограммы, поставленные в шахматном порядке, взаимозаходящие треугольники. Другой особенностью керамики раннего периода является нанесение орнамента техникой накола (отступающая лопаточка) и грубыми нарезками, иногда занимающего половину и более поверхности сосуда. Для посуды среднего периода культуры отступающе-накольчатая техника не характерна и встречается лишь эпизодически (Там же, с. 28–37).

Таким образом, посуда среднего периода чужьяельской культуры находит больше аналогий в керамике ясунской культуры, чем в материалах раннего периода. В этой связи встаёт вопрос о контактах двух культур. В свете имеющихся данных наиболее аргументированным выглядит вариант проникновения носителей ясунской культуры в Северное Приуралье. На это указывает частичная смена орнаментальной традиции в гончарстве чужьяельской культуры при переходе к среднему периоду. В пользу данной версии говорит и то, что наибольшую близость с ясунскими демонстрируют памятники тундрового варианта чужьяельской культуры, находящиеся на её северо-восточной периферии.

Вероятно, вхождение ясунской культуры в обширную общность энеолитических культур гребенчатого геометризма, территориально тяготеющую к восточным склонам Урала от южных его отрогов до приполярных областей. Заслуживает внимания выделение А.Ф. Шориным (1999, с. 31–32) северной провинции этой общности, где ясунская культура должна занять место одного из главных субъектов.

Е.Г. ВЕРТМАН

Россия, Томск

РОО «Научно-исследовательский центр «Сибирская Прародина»

КИТОВРАСЫ В АТРИБУТИКЕ ШАМАНОВ ТАЙМЫРА

Одной из задач научно-поисковой экспедиции «Сибирская Прародина-Таймыр-2009» было изучение археологических экспонатов в фондах краеведческих музеев приенисейского региона¹.

Нами изучены комплекты бронзовой атрибутики шаманов нганасан и отдельные находки бронзовых изделий. Шаманы Таймыра являлись главными собирателями и хранителями бронзовых и медных изделий², которые когда-либо производились или привозились в Заполярье. Передавая свою атрибутику преемникам, шаманы веками накапливали самые разные металлические изделия: монеты, пуговицы, колокольчики, гильзы ружейных патронов, кольца, монеты, обломки приборов, инструментов и др., которые являлись для них священными дарами богов, а также видом даров родовым божкам (идолам) – «койку». Металлические изделия прикреплялись на короне или верхней одежде, и при камлании служили посредниками между шаманом и разными богами. Среди множества таких даров самыми почитаемыми и широко распространёнными были бронзовые или медные медальоны с изображением древнерусских богов-волшебников Китовраса и Полкана (рис. 1, 2).

В фондах Таймырского окружного краеведческого музея есть медальон (инв. № 6547/4 вф, рис. 3, 4), найденный случайно в 1986 г. на лесном берегу р. Косая в 5 км от г. Дудинка. Диаметр медальона 100 мм, толщина 3 мм. Отлит из жёлтой бронзы. На лицевой стороне изображён классический звёздный Китоврас-кентавр на фоне растительного орнамента. Китоврас в царской короне со скипетром в правой руке и прямоугольным щитом в левой смотрит вперёд в правую сторону. Торс закрыт кольчугой. За плечами большие расправленные крылья с загнутыми

¹ Мы благодарим дирекцию и сотрудников музеев Красноярска, Игарки, Дудинки, Норильска и оз. Лама, которые любезно предоставили нам такую возможность.

² Нами отобраны пробы бронзы и медной руды горно-металлургических центров Таймыра из коллекции Л.П. Хлобыстина (1998) для масс-спектрометрического анализа.